

Комментарии к тексту епископа Макария Христупольского
(продолжение)

В недавнем обширном интервью на тему украинского церковного вопроса иерарх Константинопольской Церкви, епископ Макарий Христупольский описал, как Константинопольская Патриархия видит свое участие в этом вопросе. К сожалению, автор совершенно игнорирует исторический контекст событий, и замалчивает многие важные явления, без упоминания о которых легче манипулировать историческими фактами. «Православная энциклопедия» вынуждена вновь дать свои комментарии на текст этого исследователя. Курсивом выделены утверждения епископа Макария.

В 1663 году на Константинопольском Соборе, который проходил с участием всех Восточных Патриархов и был собран для рассмотрения вопросов богословского, литургического и канонического содержания, поднятых Московским Патриархатом, был рассмотрен, среди прочего, и вопрос ἑκκλητων. Московская Церковь подняла тогда вопрос о том, принадлежит ли Патриаршему Престолу Константинополя право суда относительно других Церквей, и им ли выносятся окончательное решение относительно какого-либо церковного дела.

Восточные Патриархи письменно выразили определение Православной Церкви по вопросу об ἑκκλητων. В ответном послании, направленном Русской Церкви, в силу его важности названное «Томосом», ими единодушно утверждается, что «вопросы всех Церквей для конечного судебного разбирательства подаются в Константинополь и им принимается окончательное решение. Именно это было сделано и сейчас».

Документ, на который сослался епископ Макарий, хорошо известен. Это так называемый «свиток о власти царской и патриаршей», который был направлен русскому царю Алексею Михайловичу, попросившему поддержать его в его споре с Московским патриархом Никоном. С подлинными рукописями этого документа (их две, так как «томос» 1623 года был направлен в Москву сразу в двух идентичных копиях) можно познакомиться на сайте Российского государственного архива древних актов: <http://rgada.info/4/index2.php?str=322> и <http://rgada.info/4/index2.php?str=323>

Полный текст документа опубликован в составе «Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел» (Москва, 1826. Т. 4. С. 84–117. Книга доступна в сети: <https://www.runivers.ru/lib/book6820/174870/>).

В отношении права ἑκκλητων здесь сказано буквально следующее:

... Ἐὰν δὲ περὶ ὧν ἐγκαλεῖτο, ἑκκλητων καλέσῃ ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς Κωνσταντινουπόλεως, τῆ ν ἀπόφασιν ἐκδεκτέον. **Εἰ δὲ συναίνεσειεν καὶ οἱ λοιποὶ Πατριάρχαι**, οὐδεμίας ἔτι προφάσεως λείπεται χώρα, περὶ ὧν ἐγκαλεῖται (кеф. ζ´).

... Αὐχοῦσιν οἱ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης Ἀρχιερεῖς, ἐνδεδόσθαι αὐτοῖς τὰς ἐκκλήτους πάσας τ ὧν Ἐπισκόπων... Καὶ ἐκ τοῦ Βαλσαμῶνος· μὴ εἶναι τὰ περὶ τοῦ Πάπα ὀρισθέντα ἰδικὰ τούτου καὶ μόνα προνόμια, ἀλλὰ ἐξακούεσθαι καὶ εἰς τὸν Κωνσταντινουπόλεως· ἤδη δὲ ἀπορράγέντος το ὦ Ἐπισκόπου τῆς Ῥώμης ἀπὸ τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας, μόνον εἰς τὸν Οἰκουμενικὸν ἀναφαίνοντ αι θρόνον. **Εἰ δὲ συναينوῦσι καὶ οἱ λοιποὶ Πατριάρχαι**, εἰ τύχον εἶη μείζων ὑπόθεσις, ἀμετάβλη τος ἔσται ἢ ἐξενεχθεῖσα ἀπόφασις (кеф. η´)

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

Таким образом, епископ Макарий передает содержание документа 1663 года неточно. Согласно этому «томосу», Константинопольский патриарх действительно может принимать апелляции. Но законную силу его решения приобретают только после одобрения **всеми Патриархами**.

Также документ определяет и законный порядок апелляции:

Ἐρώτησις. Εἰ δὲ ἀφηνιάζων τὴν παρ' αὐτῶν [= τῶν περὶ αὐτὸν Ἐπισκόπων] ψῆφον, εἰς ἔκκλητον ἀνατρέχει, τί ἂν γένοιτο;

Ἀπόκρισις. Ἡ παρὰ τοῦ Οἰκουμενικοῦ θρόνου, καὶ τῶν μετ' ἐκείνον **Πατριάρχων ψήφος ἐπ' ἐνεχθεῖσα κατ' αὐτοῦ ἐγγράφως...** (кеф. κβ').

Таким образом, рассмотрению дела должны предшествовать послания лица, несогласного с судом собора местных епископов, **всем Патриархам**, а не только Константинопольскому.

Были ли соблюдены эти условия при «снятии анафемы» с бывшего митрополита Киевского Филарета, а также с главы «Украинской автокефальной православной Церкви» Макария (который покинул каноническую Церковь в сане священника и, насколько известно, анафеме никогда и не подвергался)?

Как бы то ни было, из вышеприведенных текстов видно, что решение, принятое Вселенским престолом, **без одобрения православной полнотой не имеет законной силы**.

Вселенский Патриархат обладает огромным опытом применения Священных Канонов. Посмотрите, как он поступил, когда Московская Митрополия в 1448 году избрала митрополита без благословения Константинополя. По существу, Москва была отрезана от материнской Церкви. Разрыв произошёл в 1459 году с решением Поместного Синода России, которое определяло, что избрание Митрополита Московского будет осуществляться Поместным Синодом, а не Константинополем. Этот поступок эклизиологически не сильно отличается от того, что совершил Филарет. Смотрите, однако, как Вселенский Патриархат отнесся к этому вопросу, и как Московский Патриархат. Если бы тогда Константинопольская Церковь стала наказывать, отлучать и анафематствовать, мы не добились бы каноничности и единства, что с торжеством было достигнуто в 1589 году, когда Святейшим Патриархом Константинопольским Иеремией Московская Митрополия была провозглашена Патриархатом.

Автор называет три события: собор русских епископов 1448 года, собор русских епископов 1459 года, собор русских епископов с участием патриарха Константинопольского Иеремии 1589 года.

Итак, первая дата — **1448 год**, собор русских епископов, на котором был поставлен в митрополита Киевского епископ Рязанский Иона. В этом событии не участвовал Константинопольский патриарх, недаром именно этот год считается началом фактической автокефалии Русской Церкви. История же этого события такова.

Летом 1431 года скончался митрополит Киевский и всяя Руси Фотий, почти четверть века возглавлявший церковное управление на Руси и пользовавшийся огромным

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

авторитетом, не только духовным, но и политическим. На последние годы его служения пришлось начало династической войны за московский великокняжеский престол между разными ветвями рода Рюриковичей (т. н. Московской усобицы), постепенно охватившей почти все территории северо-восточной и северо-западной Руси¹.

События, происходившие после смерти митрополита Фотия, несколько по-разному излагаются в источниках, но очевидно одно: в связи с усилением смуты и началом активных военных действий после кончины двух главных политических гарантов — митрополита Фотия и князя Витовта (осенью 1430 года) — посольство из Москвы в Константинополь с просьбой о поставлении митрополита могло отправиться только после того, как князь Василий II получил в Орде ярлык на великое княжение, то есть во второй половине 1432 года². Однако к этому времени стало известно, что в Константинополе находится другой претендент на Киевскую митрополию: преемник Витовта и его давний недоброжелатель великий князь Литовский Свидригайло уже отправил туда своего ставленника — Смоленского епископа Герасима, который и был Константинопольским патриархом Иосифом II поставлен на кафедру митрополита Киевского и всея Руси в конце 1432 года.

К этому времени желание заключить с римско-католической Церковью унию и таким образом выполнить главное условие для получения помощи со стороны европейских государств в обороне от турок стало определяющим в церковной политике императора Иоанна VIII Палеолога и патриарха Иосифа II — посольства в Рим отправлялись регулярно (в 1422, в 1426, и в 1430 годы), но не приносили успеха. И только с восшествием на папский престол Евгения IV, сторонника активной «восточной политики», вопрос стал актуальным для Рима — в 1431 году Римский престол сообщил византийским правителям о возможности заключения унии. С этого времени все решения, так или иначе, определялись этой — главной — церковно-политической задачей. Очевидно, что этой задаче должно было соответствовать и назначение нового митрополита Киевского, главы самой большой митрополии Константинопольской патриархии. Князь Свидригайло в марте 1432 года инициировал письмо от имени «князей, знати, бояр, военных, городов и горожан русских земель» к Базельскому собору, обсуждавшему параметры проведения будущего «вселенского» собора по заключению унии с заверением о поддержке летом 1433 года уже сам великий князь Литовский давал гарантии собору в том, что склонит к унии «князей, воевод и знатных русских». А в следующем году папа Евгений IV давал митрополиту Герасиму конкретные инструкции по подготовке к унии, и подкреплял ее специальной охранной грамотой, предписывающей всем католикам содействовать новому киевскому митрополиту. На Руси поставление Герасима признали, хотя, конечно, и не охотно. Никаких явных шагов к реализации программы по заключению унии митрополит Герасим осуществить не успел: князь Свидригайло, фактически развязавший в великом княжестве Литовском гражданскую войну, заподозрил Герасима в тайных связях с противником и арестовал его, а через четыре месяца, летом 1435 года, казнил через сожжение на костре. Киевская кафедра вновь стала вакантной.

На сей раз в Константинополе не стали дожидаться кандидатов ни из России³, ни из Литвы. У императора Иоанна VIII и патриарха Иосифа II был свой ставленник, способный

¹ Митрополит Фотий, возглавивший после смерти князя Василия I Дмитриевича опекунский совет при 10-летнем князе Василии II Васильевиче, сумел, действуя совместно с дедом юного князя по матери великим князем Литовским Витовтом, добиться временного примирения сторон и избежать военных столкновений.

² По разным версиям посольство 1432 года или только готовилось, или даже выехало, но было возвращено с дороги.

³ В неотправленном послании великого князя Василия II к императору Константину XI Палеологу, датированном нач. 1450-х ситуация относительно действий митрополита Исидора представлена очень ярко (Акты Исторические. Т. I, М. 1842. № 41 и № 262).

обеспечить участие Киевской митрополии в объединительном Соборе. Приближенный к императору греческий монах Исидор еще в ноябре 1433 г. был отправлен в составе греческой делегации на Базельский Собор католической Церкви для обсуждения вопроса о месте и времени созыва Собора о соединении католической и православной Церквей. Именно Исидор приветствовал от имени императора 24 июля 1434 года председателя Собора кардинала Юлиана Чезарини. Находившийся в 1436-1437 гг. в Константинополе посол Базельского Собора Иоанн Стойкович назвал Исидора одним из главных защитников интересов папы среди греков. В процессе подготовки к созыву объединительного Собора император добился того, что Исидор был назначен представителем Антиохийского патриарха на Соборе, взамен другого представителя которому османы не разрешили участвовать в заседаниях. Таким образом, поставление Исидора на Киевскую кафедру давало сразу два преимущества: во-первых, еще один твердый сторонник унии приобретал высокий сан, что было важно для участия в соборе, а, во-вторых, появлялся серьезный административный рычаг давления на русское духовенство при введении унии на Руси.

Митрополит Исидор прибыл в Москву 2 апреля 1437 г. и стал готовиться к отъезду на соединительный Собор в Феррару, куда он отправился 5 сентября в сопровождении большой свиты из духовных и светских лиц митрополичьего двора. Москва, которая уже готовила к отравлению (или даже отправила) в Константинополь посольства со своим кандидатом — епископом Рязанским Ионой, приняла нежеланного нового митрополита «с радостию и честью воздахом ему по своему православию»⁴ и согласилась с таким решением Константинополя. Позднее князь Василий II вспоминал, что не хотел отпускать только что прибывшего митрополита Исидора на Собор, но тот, ссылаясь на прямое указание патриарха, настоял на своем отъезде «и не возмогохом его удержати»⁵. На Соборе сначала в Ферраре, а потом и во Флоренции, куда он переехал из-за чумы, Исидор выступал как доверенное лицо византийского императора и был столь активен, что в августе 1439 года был назначен папским легатом в Литве, Ливонии, России и «Лехии» (Польше) для реализации решений Собора об унии, а в конце года возведен в кардинальское достоинство. Возвращение в Москву митрополита Исидора затянулось больше, чем на год: он с триумфом объезжал свои новые территории в Польше, Литве, долго пробыл в Киеве. Взгляды Исидора на положение православных на землях Киевской митрополии после заключения унии нашли отражение в его послании из Буды, написанном в марте 1440 г. и обращенном ко всем, кто должен был подчиняться его власти как папского легата. И. писал, что отныне «греки» и «латиняне» должны иметь между собой евхаристическое общение и быть равноправными. Эти утверждения вызвали враждебную реакцию Польской католической Церкви, которая в то время не признавала православного крещения и отвергала решения Ферраро-Флорентийского Собора о сохранении православными своих обрядов и иерархической структуры. По-видимому, уже в августе 1440 г. католический епископ Виленский Матфей стал препятствовать Исидру выполнять его полномочия папского легата.

В Москву Исидор прибыл в марте 1441 года. Он вошел в город как папский кардинал и легат с преднесением латинского креста, на первой же литургии в Успенском соборе помянул Римского папу Евгения как главу единой Церкви и устроил торжественное чтение буллы папы с изложением решений Ферраро-Флорентийского Собора. По описанию великого князя Василия II Исидор принес «иная вся нова и чужа и неприятна Божией церкви и нашему древнему изначальному благочестию и поняновению Папы

⁴ Там же. С. 493.

⁵ Там же.

Римского имя в молитвенных гласах в церкви нашей сотвори»⁶. «Папино писание», по выражению князя Василия II, произвело на русских архиереев негативное впечатление, и было ими полностью отвергнуто. Тогда князь Василий II организовал диспут между Исидором и противниками унии. По результатам диспута Исидор был взят под стражу — как предавший свою Церковь и дерзнувший «отдать и поработить нас под отлученную из-за многих ересей святыми и богоносными отцами римскую церковь» — и помещен в Чудов монастырь до вынесения окончательного решения. По каноническим правилам его судьбу должен был решить Константинопольский патриарх. Но отправлять посольство в Константинополь было бесполезно (хотя по некоторым источникам, оно все же готовилось), ведь арестованный митрополит Исидор был приближенным действующего императора Иоанна VIII, а Митрофан II, ставший после смерти Иосифа II летом 1439 года новым патриархом Константинопольским, был столь же рьяным сторонником унии. По сути, выдвигая обвинения в ереси против митрополита Исидора, Москва обвиняла в том же и светскую и духовную власть Константинополя, пребывающую в «униатской симфонии». Но 15 сентября 1441г. митрополит Исидор бежал из-под стражи⁷ и вскоре покинул пределы Московского великого княжества. Исидор, уехал сначала в Новгород, потом в Литву, Польшу и наконец, обосновался в Риме, где и продолжил свою карьеру в римо-католической Церкви. С этого момента, по мнению Москвы, вступило в силу 16 правило Константинопольского Собора 861 года: «Аще же кто из епископов, пребывая в своем достоинстве, и не хочет отрещися, и не желает пасти народ свой, но, удаляясь из своея епископии, более шести месяцев остается в другом месте, не быв удерживаем ни царским повелением, ни исполнением поручений своего патриарха, ниже быв одержим тяжкою болезнью, делающею его совершенно недвижимым: таковой ни единою из реченных причин не воспящаемый, но удалившийся от своея епископии, и в ином месте долее шестимесячного времени пребывающий, да будет совершенно чужд епископские чести и достоинства».

Семь лет сохранялось такое недопустимое ни с точки зрения церковных канонов, ни с точки зрения жизненно важных интересов Русской церкви положение, при котором огромная митрополия, охватывающая две значительные европейские страны, включающая 15 епархий, множество храмов и монастырей, многочисленное православной население оставалась без главы на неопределенный срок, причем препятствием к его поставлению на кафедру оказывался фактически фиктивный титул епископа, по мнению Москвы, предавшего Православие. Для Москвы уния была явной ересью и потому она основывалась на второй части 15 правила того же Константинопольского Собора 861 года: «отделяющиеся от общения с предстоятелем, ради некие ереси, осужденные святыми соборами или отцами, когда, то есть, он проповедует ересь всенародно, и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей, и не расколом пресекали единство церкви, но потщились охранить церковь от расколов и разделений». Москва была не одинока в своей позиции: в апреле 1443 года в Иерусалиме три восточных патриарха (Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский) осудили унию и ее сторонника патриарха Константинопольского Митрофана II. Антиуниатские настроения в тот период были характерны для большинства епископов на Востоке. Для Константинопольской патриархии, которую с 1443 года возглавлял патриарх Григорий III Мамма, автор постановления Ферраро-Флорентийского Собора, соратник Исидора в насаждении унии,

⁶ Там же.

⁷ Некоторые историки считают, что ему позволили бежать.

характерна прямо противоположная — положительная — оценка унии и потому вступала в действие первая часть того же правила: «аще который пресвитер, или епископ, или митрополит, дерзнет отступить от общения с своим патриархом, и не будет возносити имя его, по определенному и установленному чину, в божественном тайнодействии, но прежде соборного оглашения и совершенного осуждения его, учинит раскол: таковому святыи собор определил быти совершенно чужду всякого священства, аще токмо обличен будет в сем беззаконии».

Решение о поставлении митрополита собором русских архиереев без участия Константинопольского патриарха было принято, очевидно, после критического перелома в московской междоусобице, ознаменовавшегося торжественным въездом в Москву великого князя Василия II в середине февраля 1447 года. К тому времени рязанский епископ Иона уже официально именовался «нареченным митрополитом». Конкретным же поводом к осуществлению этого намерения могло стать сообщение о смерти императора Иоанна VIII (31 октября 1448 года) и опасения, что в отсутствие нового императора (император Константин XI Палеолог взшел на престол только в марте 1449 года), все церковные дела сосредоточатся в руках патриарха-униата Григория Маммы. Обращаться в это время в Константинополь было бесполезно. 15 декабря 1448 года, собор русских епископов, созванный князем Василием II, поставил епископа Иону в митрополита Киевского и всея Руси.

Важно заметить, что канонические права митрополита Ионы на управление епархиями на землях, подвластных польскому королю Казимиру IV, были подтверждены польским властителем уже в 1451 году.

В 1451 году, вероятно, после известия об отъезде патриарха-униата Григория III Маммы в Рим (бежал в октябре 1450 г.), было решено отправить посольство в Константинополь с поздравлением новому императору с восшествием на престол и сообщением о поставлении нового «митрополита русского» в Москве. В послании великого князя Василия особо оговаривалось, что поставление в Москве нового митрополита собором русских епископов совершено без согласия и ведома Константинополя «ни кичением, ни дерзостью», а «за великую нужду» и что «святая митрополия русская» от Церкви Константинопольской «благословения требует и ищет», а новый русский митрополит «всячески требует оттоле и благословения и соединения» и, что митрополит и князь готовы «о всех делах церковных» «писати патриарху православному свои грамоты, требуя о всем благословения его и молитвы». Однако только к патриарху, исповедующему православие «по древнему благочестию», а есть ли он «уже в державах святого твоего Царства, в Царствующем граде, или несть, понеже не слышахом о нем ни от кого же, ни имени его не вемы». Иначе говоря, если православный патриарх все-таки появится в Константинополе («даст ли Бог, будет»), тогда и «мы есмы должны о всех наших положениях писати и посылати к великой его святыни о всем и благословения с него требовати во всем»⁸. Как видим, позиция Москвы продолжала оставаться неизменной — после чреды патриархов-униатов должны быть гарантии верности православию любого нового Константинопольского патриарха.

Но посольство снова не состоялось, вероятно, из-за того, что как стало известно на Руси, в случае с Григорием Маммой повторялась история с Исидором: уехав в Рим Григорий не отказался от своего титула, а император Константин, скованный требованиями папы Римского Николая V восстановить Григория на кафедре в Константинополе, не мог его заменить. Таким образом, посольство вновь оказывалось лишеным смысла. В мае 1453 года Константинополь был взят войском султана Мехмеда II Завоевателя, император Константин был убит при штурме.

⁸ Там же. С. 495.

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

Вторая дата — **1459** год, собор русских епископов, на котором были отвергнуты притязания униатского митрополита Григория Болгарина на управление Киевской митрополией, включая и земли великого княжества Московского и всей Руси.

В 1453 году на патриаршую кафедру в Константинополе, пусть и волею султана, был поставлен патриарх Геннадий Схоларий. Известие о падении Константинополя, о новом патриархе (очевидно, с подтверждением его приверженности православию), а также патриаршее «приказ и писание» (не сохранилось) были доставлены на Русь «человеком христианином православным, по имени Дмитрий, греком», пришедшим на Русь от патриарха за милостынею. В ответ в Константинополь было направлено послание, в котором содержалось просьбы о «благословении» поставления митрополита собором русских епископов и о направлении на Русь специального посольства с патриаршей грамотой, при этом особо подчеркивалось, что и в дальнейшем «кто ли не будет Патриарх на патриаршестве» русский митрополит будет просить его благословения и посылать ему дары и поддержку, но только при одном условии: он должен «соблюдать Церковь Христову и держать истинное великое православие»⁹. Ответ патриарха Геннадия неизвестен, как и то был ли он? Ведь уже в августе 1454 года Геннадий хотел отречься от патриаршего престола, и лишь волею султана был удержан еще на два года. Однако, уже в декабре 1456 году в письме к полоцкому архиепископу Симеону митрополит Иона, укоряя своего адресата за неправильное обращение к нему, приводит следующий аргумент: «сам рассуди: пригодно ли нам святому Патриарху писатися «братом», имея на себе его рукополагание».

Однако Григорий Мама, так и продолжающий, проживая в Риме, именовать себя патриархом Константинопольским, 15 октября 1458 года в Риме поставил на Киевскую митрополичью кафедру монаха Григория, ученика митрополита Исидора (Исидор отказался в его пользу от управления той частью общерусской митрополии, которая находилась в пределах Литовского великого княжества и Польского королевства и включала Черниговско-Брянскую, Смоленскую, Полоцкую, Туровскую, Перемышльскую, Луцкую, Владимиро-Волынскую, Холмскую и Галицкую епархии, то есть даровал ему территории, фактически уже окормлявшиеся митрополитом Ионой). Это решение было инициировано папой Калистом III и утверждено его преемником папой Пием II. Новая митрополия именовалась «Киевской, Литовской и всея Руси». Папа направил специальное послание литовскому великому князю и польскому королю Казимиру IV с требованием не допускать на территорию своего государства православного митрополита Иону. Казимир IV это требование исполнил¹⁰, но уже в январе 1459 года папа направил новое послание польскому королю, в котором извещал о том, что митрополит Исидор отказался в пользу Григория и от «московской» части общерусской митрополии и просил содействия в реализации их планов посетить и эти земли. Казимир IV оказал Григорию поддержку и через своих послов стал добиваться отстранения митр. Ионы от управления и «московской» частью общерусской митрополии. Собор епископов, созванный в Москве в декабре 1459 года, решительно отверг притязания Григория на управление епархиями Северо-Восточной Руси, тех клириков и мирян, которые подчинились «злomu отступнику от Православия», признали отлучившими себя от Церкви и «православная Церковь не

⁹ Там же. С. 495.

¹⁰ Причины такого решения короля связаны с крайне сложными отношениями Казимира IV с папским престолом, в разное время находившиеся в диапазоне от признания «Defensor Fidei» (защитником веры) до отлучения от Церкви. В начале правления папы Пия II отлучение было снято и его отношения с папским престолом стали налаживаться. Важно, что на Руси вынужденность согласия Казимира IV вполне сознавали и великий князь Василий II не ставил польскому королю в вину это его решение.

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

имеет их за крестиани». Разделение общерусской митрополии на две митрополичьи кафедры состоялось, отношения между ними были разорваны. Важно отметить, что действующий православный Константинопольский патриарх Исидор II Ксанфопул не имел к этой истории никакого отношения: все решения принимались в Риме Григорием Мамой, в православном каноническом пространстве фигурой в этот момент крайне сомнительной.

Таким образом, одна часть общерусской митрополии возглавлялась православным митрополитом Ионой, поставленным собором епископов Русской Церкви в условиях фактического и юридического подчинения Константинопольского патриархата Римокатолической Церкви, а другая часть — митрополитом униатом, поставленным в Риме бывшим Константинопольским патриархом-униатом Григорием Мамой. Оба митрополита не признавали друг друга и считали недоступными для их управления территории фактически оккупированными узурпаторами. 31 марта 1461 году митрополит Иона скончался, и поставление его преемников носило уже совершенно иной характер — подчеркнуто национальный.

Еще одна важная дата — **1467 год**, о которой епископ Макарий почему-то умалчивает.

Решающее роковое для связей Москвы и Константинополя событие произошло в 1467 году в Царьграде: митрополит Григорий в середине 1460-х годов направил в Константинополь к патриарху Симеону Трапезундскому своего наместника в Киеве Мануила, «ищущи себе благословения и подтвержденья от Цареградского Патриарха». К началу 1467 года переговоры между Киевским митрополитом и Константинопольским патриархом были успешно завершены. Грамотой от 14 февраля 1467 года патриарх Дионисий I признал поставление, совершенное Григорием Мамой в Риме, и предложил всем русским землям принять митрополита Григория как единственного законного главу митрополии. Причины такого решения, надо сказать весьма поспешного для патриарха Дионисия — он взошел на престол только 15 января, неизвестны. Весьма вероятно, что главную роль сыграло желание подчеркнуть властные полномочия Константинополя: ради этого можно было пожертвовать даже верностью православию и пренебречь и тем, что Григорий Болгарин униат, и тем, что поставлен в нарушение всех норм перешедшим в унию бывшим патриархом (бывшим, предавшим православие, но своим — Константинопольским). Выбор был совершен, реакция Москвы была жесткой: великий князь Московский Иоанн III заявил о полном разрыве отношений с Константинопольским патриархом («имеем от себя самого того патрея рха чюжа и отречена») и приказал не впускать в свои владения послов ни от патриарха, ни от Григория.

И, наконец, **1589 год**, когда на Руси было провозглашено Патриаршество.

Автор забывает сказать о том, что к этому времени взаимоотношения между Русской и Константинопольской Церквами были фактически восстановлены. Достаточно указать, например, на посольство патриарха Константинопольского Феопипта 1518 года, в грамотах которого (от 1516 года) глава Русской Церкви именуется «митрополитом Киевским и всея Руси», и соборные грамоты Константинопольской Церкви 1561 года.

И, чтобы вы не думали, что я имею в виду только Московский Патриархат, хочу сказать вам, что то же самое произошло и в случае с Автокефальной церковью Греции. Когда она отделилась от Вселенского Патриархата, никаких санкций не было. То же самое было и в случае с Болгарской церковью. Тогда наш Патриархат не спешил наказывать и, как я думаю, поступил мудро. Поэтому, отвечая на ваш вопрос,

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

я считаю, что священные Каноны – это не средства или инструменты власти или силы, как вы сказали, но инструменты жертвенности.

Учреждение Болгарского экзархата произошло согласно подписанному 27 февраля 1870 г. султаном Абдулой-Азизом фирману. Это вызвало недовольство Константинопольской патриархии, которая ранее сама предлагала учредить такой экзархат для урегулирования болгарского церковного вопроса, однако этому помешали противоречия патриаршей и болгарской сторон по поводу полномочий и иных аспектах существования этой структуры. Несмотря на то, что фирман учитывал высказанные ранее пожелания Патриархии и утверждал каноническую связь новообразованного округа с Константинопольским Патриархом (избрание экзарха Болгарского должно было подтверждаться патриаршей грамотой, имя Константинопольского патриарха должно поминаться за богослужением, из Константинополя болгары получают святое миро и пр.), Константинопольская Патриархия объявила этот фирман неканоничным. Константинопольский Патриарх Григорий VI хотел созвать Вселенский Собор для рассмотрения болгарского вопроса, но не нашел одобрения среди других Поместных Церквей: так Святейший Синод РПЦ советовал принять фирман об учреждении Болгарского Экзархата.

Болгарская сторона активно приступила к созданию административной структуры Экзархата и в феврале-июле 1871 г. в Константинополе провела Церковно-народный собор, на котором был принят Устав Болгарского Экзархата. 11 февраля 1872 г. Порта разрешила избрание Болгарского экзарха (2 апр. 1872 г. избранный экзарх Анфим I получил султанский берат). 11 мая 1872 г. экзарх Анфим объявил о восстановлении независимой Болгарской Православной Церкви.

На заседании Синода Константинопольской Патриархии 13-15 мая 1872 г. экзарх Анфим был лишен сана и низложен, болгарские митрополиты Панарет Пловдивский и Иларион Ловчанский отлучены от Церкви, а еп. Макариопольский Иларион предан вечной анафеме; церковным наказаниям подверглись все иерархи, клирики и миряне Болгарского Экзархата. С 29 августа по 17 сентября 1872 г. в Константинополе состоялся Собор с участием иерархов Константинопольского Патриархата (в т. ч. бывш. Патриархов Григория VI и Иоакима II), Патриархов Александрийского Софрония, Антиохийского Иерофея и Иерусалимского Кирилла (последний, однако, вскоре покинул заседания и отказался подписать под соборными определениями), архиепископа Кипрского Софрония, а также 25 епископов и нескольких архимандритов (в т. ч. представителей Элладской Церкви). Действия болгар были осуждены как основанные на филетизме (племенных различиях), а все «приемлющие филетизм» были провозглашены чуждыми Церкви схизматиками (16 сентября).

Экзарх Анфим I не признал законным наложение схизмы. Константинопольская Патриархия не пыталась преодолеть конфликт, искала различные поводы для отмены фирмана 1870 г. и фактически при помощи османских властей препятствовала деятельности Болгарского экзарха, кафедра которого долгое время оставалась в Константинополе.

Только в кон. 1944 г. Болгарский Синод при содействии РПЦ установил контакт с Константинопольской Патриархией, представители которой при встрече с болгарским посланцем высказались, что «болгарская схизма в настоящее время является уже анахронизмом». В феврале 1945 г. Патриарх Московский Алексей I обсудил болгарский вопрос с Патриархами Александрийским Христофором и Антиохийским Александром III и представителями Патриарха Константинопольского митр. Фиатирским Германом и Патриарха Иерусалимского архиеп. Севастийским Афинагором. Результаты этих

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

обсуждений Патриарх Алексий I изложил в письме 20 февр. 1945 г. экзарху Болгарскому. В день своего избрания, 21 января 1945 г., Болгарский экзарх Стефан I отправил Вселенскому Патриарху Вениамину письмо с просьбой «снять произнесенное по известным причинам осуждение Болгарской Православной Церкви и соответственно признать ее автокефальной и причислить к автокефальным православным Церквам». 19 февраля 1945 г. был подписан «Протокол о ликвидации существующей годами аномалии в теле Святой Православной Церкви...», а 22 февраля 1945 г. Вселенская Патриархия издала томос, подтверждавший автокефальный статус Болгарской Православной Церкви.